

Феликс

из серии рассказов про Сару и Казимира

Казимир традиционно курил на балконе. Сизая дымка выбросов застилала треть неба-свода над крышами домов, расположенных напротив его пятиэтажки.

Да, будь они не ладны, эти заводы! Уральский город, ставший промышленным центром во время войны, возможно так и остался промышленным на долгие годы, но однозначно перестал быть центром чего-либо.

Экология ухудшалась с каждым десятилетием, выбросы становились ежедневными и имели всё большую концентрацию вредных веществ. Город вместе с его жителями задышался в промышленном угаре.

Казимир цокнул языком от досады, затушил бычок и пошел одеваться – пора было выгуливать Катьку.

На улице накрапывал мелкий дождик. Деревья в парке начали сбрасывать листву, трава пожухла и свалялась в клочья, земля повсеместно оголялась, стремительно лысея к зиме. Осень вытесняла из парка последние островки лета, делая мир похожим на вылинявшую на солнце фотографию с неяркими красками и неясными силуэтами.

В сером недружелюбном небе кружили две вороны и изредка каркали друг на друга. Старик усмехнулся. Грызутся, прям, как мы с Сарой. Хорохорятся друг перед другом, трясут клювами, будто есть какая-то разница между ними. На самом деле – просто две старые вороны, которые бесполезно доживают свой век.

Несколько месяцев назад, как будто заметив бессмысленность его существования, провидение послало старику щенка, чтобы он снова стал кому-то нужен.

Подростая Катька крутилась рядом на длинном поводке. Казимир с нежностью посмотрел на шуструю собачонку. Какое счастье, что бог послал им щенка! Как уютно и тепло стало в его пустой квартире, и каким покоем обернулись длинные и порою, бессонные ночи.

С появлением Катьки, даже вредная Сара подобрела и теперь каждый вечер выгуливалась в парке вместе с ними...

Тут Казимир некстати вспомнил про давешнюю встречу с Феликсом и нахмурился. И шо этому мужику от неё надо? Появился не пойми откуда, почитай, спустя пять десятков лет и, давай, Сара, поговори с ним – он видите ли, помирает!

Все умрут, только дайте срок... Жизнь давно осталась за спиной, таки, зачем ворошить старое, если даже Катьке понятно, шо Саре эта встреча совсем не по делу!

– Казимир Исаакович, здравствуйте!

Из-за ближайших кустов вынырнула слюнявая морда Самсона. Следом нарисовалась Гела, взъерошенная и разруганная от короткой пробежки. Девушка со смехом воскликнула:

– Самсон как вас увидел, понёсся галопом, я еле ноги переставлять успевала! Вы давно гуляете или уже собираетесь возвращаться домой?

Казимир был искренне рад встрече. Гела и Самсон, так же как и Катька, очень своевременно вошли в его жизнь, и теперь он не представлял своего существования без этой колоритной парочки.

Старик нагнулся, чтобы распутать Катькин поводок. С нежностью поглаживая щенка по голове, ответил:

– Та, не... Только вышли. Пошлите с нами в бор, прогуляемся до карьера? Там уток прилетело, страсть! Мы с Катькой любим за ними наблюдать.

Гела с готовностью кивнула:

– С удовольствием! Только Самсон всех ваших уток распугает – он же сразу в воду полезет!

– И пусть лезет, нам с Катькой для него ничего не жалко!

С пасмурного неба начал накрапывать мелкий морозящий дождик. Но как только компания дошла до карьера, небо расчистилось до умытой синевы и сквозь облака засияло нежаркое октябрьское солнце.

Увидев стаю уток на середине карьера, Катька зашлась в щенячем восторженном лае и потащила Казимира к кромке воды. Самсон дёрнулся следом за подружкой. Гела спустила ньюфаундленда с поводка и он широкими прыжками вошёл в воду. Катька очумела. Самсон заходил в карьер всё дальше и глубже, а она вертлявой креветкой крутилась на поводке, оставаясь на берегу и не имея возможности последовать за ним. Казимир никогда не разрешал Катьке свободный выгул в незнакомых местах. Он не отпускал её с привязи, потому что боялся, что она сможет чего-нибудь испугаться и убежать, сгинув среди вековых сосен и непролазного бурьяна. А потерю Катьки он бы уже не вынес...

Глядя на её переживания, старик не знал, как ему правильно поступить – то ли отпустить щенка в воду, то ли до последнего держать при себе.

Гела сочувственно улыбнулась:

– Да, не бойтесь. Куда она из этого карьера денется? Поплавать и вернётся к нам обратно. Правда мокрая будет, жуть!

Казимир с сомнением цокнул языком:

– А шо, если она плавать не умеет? Утопнет на хрен, как та Муму...

– Наша Катька – не Муму! К тому же, она с Самсоном плавать будет. Если что, он её спасёт.

Казимир ещё некоторое время повздыхал, затем нехотя отщелкнул поводок от узкого ошейника. С лаем победительницы Катька бесстрашно взобралась на камень, который возвышался над берегом и с разбегу пузом плюхнулась в воду.

А дальше случился цирк шапито. Самсон, уже прилично оплывший от берега, целеустремленно двигался к небольшой стае уток и не замечал ничего вокруг. Зато Катька, торпедой улетевшая в карьер, практически сразу пошла ко дну. Что-то в её собачьих генах не сработало и вместо того, чтобы активно плыть, перебирая всеми четырьмя лапами, она пару минут неуклюже побарахталась на поверхности, а потом скрылась под водой.

Поняв, что Катьки нигде не видно, Казимир перестал соображать здраво. Как был в куртке, ботинках и в шляпе, так и рванул в воду:

– Говорил же, шо эта зараза потонет! Она ж така цаца, шо специально не поплывёт, лишь бы сделать мне инфаркт! Катька, всплывай, я тебе говорю, пока я сам тебя не утопил!

Буквально за несколько секунд Казимир достиг до того места, где щенок пошёл ко дну и в тот же момент Катькина голова вновь показалась над поверхностью воды. С вытаращенными от страха глазами собака жадно хватала пастью воздух. Казимир тут же схватил её за влажную холку и потянул к себе.

Гела, бросившаяся в карьер следом за мужчиной, протянула руки:

– Давайте, я её понесу!

Казимир сильнее прижал трясущуюся собаку к груди:

– Я сам!

Самсон, услышав громкие крики несущиеся с берега, развернулся и что есть силы погрёб обратно.

Из воды на берег все четверо выбрались мокрыми. Мужчина аккуратно опустил Катьку на землю и она тут же рванула к ньюфаундленду, отряхивающегося неподалеку от них на песчаной отмели. Радостно помахивая хвостом, она сначала облаяла Самсона, а потом начала с азартом разрывать мокрый песок.

Казимир покачал головой:

– Вот холера кудрявая! Вроде и не тонула вовсе!

Гела проговорила расстроенным голосом:

– Я не знала, что щенки не умеют плавать...

– Я таки думаю, шо плавать эта шельма умеет! И тонула она специально, шо б только я залез за ней в воду по самые гогошары!

Казимир обеспокоенно посмотрел на мокрую куртку и джинсы девушки:

– Знаете шо? Пойдёмте-ка, быстрее домой, а то простынете!

Гела успокаивающе махнула рукой:

– Не переживайте! Я – нормально!

По пути домой Катька деловито бежала впереди всех, то и дело обнюхивая деревья и кустарники. Глядя на неё, не верилось, что всего несколько минут назад она пыталась утопиться в лесном карьере. Дойдя до развилки в городском парке, Казимир распрощался с Гелой и Самсоном и направился к себе во двор. За высокими липами показались очертания знакомой пятиэтажки. Старик поморщился. Сейчас главное – быстро проскользнуть в подъезд, шо б, не дай бог, не встретиться с Сарой. Во-первых, эта женщина вынесет ему моцк, а во-вторых, расстроится. А ей нельзя, у неё сердце...

....Сара была в дурном настроении. Сегодня у неё была намечена встреча с Феликсом, на которую она совершенно не хотела идти. Однако, после слов давнего знакомого о том, что у него рак, женщина лишилась малейшей возможности отвертеться от предстоящего randevu.

День не заладился с самого начала. Рисовая каша убежала из кастрюльки на плиту, оставив на ней противные белые пятна. Кофейные зёрна в жестяной банке внезапно закончились, и женщина осталась без традиционной чашки утреннего кофе. Окончательно Сару выбесил эпизод, когда прикуривая сигарету на балконе, она поднесла зажигалку к фильтру сигареты...

Чтобы вернуть нервы в нормальное состояние, женщина решила прогуляться до магазина, благо время подходило к девяти часам и „Магнит” должен был вот-вот открыться.

На улице не ярко светило солнце. Стояла безветренная и удивительно тёплая для этого времени года погода. Сара расстегнула лёгкую куртку и, развязав шейный платок, убрала его в наружный карман. С удовольствием помечтала о том, что возможно ей повезёт, и встреча с Феликсом пройдёт легко, и она не будет расстраиваться.

И тут она увидела Казимира с Катькой, торопливо идущих домой после утренней прогулки. Сначала Сара не поняла, что именно во внешности мужчины было не как всегда. А когда осознала, всплеснула руками. Казимир щеголял по улице в мокрых штанах, а его новенькая стёганная куртка издалека так же казалась подозрительно мокрой.

– Сосед, а шо это ви ходите по городу в мокрых подштанниках? Я всё понимаю – с кем не бывает, но всё же... На дворе, хочу вам заметить, давно не лето. И если ви, таки, надеетесь себе высохнуть по жаре, таки нет!

Казимир чертыхнулся – Сара была в своём репертуаре. Махнув рукой, он молча потрусил к своему подъезду. И тут Сара заметила, что шерсть на рвавшейся к ней Катьке, так же не по сезону влажная. К тому же собака слегка дрожала всем телом, хотя и выглядела совершенно здоровой. Подозревая нехорошее, женщина торопливо засеменила вслед за мужчиной:

– Сосед, а шо это наша Катька, как после стирки?

Не оборачиваясь, Казимир молча пожал плечами. Поняв, что её возмутительно игнорируют, Сара рывкнула:

– А ну стоять мне! Немедленно говорите, почему ви оба идёте мокрые, хочь с утра дождя не было ни капли!

Казимир послушно остановился около своего подъезда и буркнул себе под нос:

– Помяни холеру...

Догнавшая их Сара недобро прищурилась:

– А шо это ви от меня бежите, как та контра от чекиста?

Казимир ответил намеренно равнодушным тоном:

– А шо такое? Идём себе с Катькой домой, никого не трогаем...

– Сосед, у вас штаны мокрые там, где у приличного мужчины всегда сухо! И шо ви имеете мне сказать за это?

Как будто не слыша вопроса соседки, Казимир продолжил говорить слегка нараспев:

– И шо характерно, ничто не предвещало беды. Хотелось бы да, так нет! Ви уже вышли поскандалить...

– Я не скандалю! Я интересуюсь спросить, где ви оба были и почему Катька трясётся так, будто засунула хвост в розетку?

Казимир пожал плечами и ответил максимально спокойно:

– Мы тонули.

– Не пОняла...

– Я думаю, шо наша Катька начиталась Тургенева..

Сара придвинулась к мужчине на максимально близкое расстояние, и в её глазах полыхнул огонь инквизиторских костров:

– Стесняюсь спросить, это вы сейчас так феерично пошутили? Или, таки, не подумайте за радость, скоропостижно чокнулись?

Казимир примирительно произнёс:

– Мы с Самсоном и Гелой ходили на карьер смотреть уточек.

– Каких ещё уточек?

– Водоплавающих...

Сара посмотрела на трясущуюся рядом Катьку, её светлые глаза потемнели:

– Казимир! Или ви мне сейчас всё расскажите, или я за себя не ручаюсь

Мужчина предусмотрительно поднялся на первую ступеньку бетонного крылечка, чтобы быть поближе к дверям подъезда. Поправив шляпу, с достоинством ответил:

– А шо ви сразу кричите? Самсон на карьере полез в воду и Катька, конечно, поскакала следом за ним. Я думал, она умеет плавать. И, шо б ви знали, Катька тоже так думала. Но оказалось, шо думать и уметь – это разные вещи. Поэтому наша Катька утопилась

– Шо значит утопилась?

– Натурально. Ушла под воду с головой, шо даже уши не торчали.

Сара в волнении прижала ладошки к щекам:

– А вы шо?

– А я побежал за ней, шо б вытащить!

– И вытащили?

– А шо ви себе думаете, она сама себя сюда привела? Вытащил, конечно.

- А Гела шо? Не знала, шо наша девочка не умеет плавать?!
- Представьте, не знала! Катька ей за это не рассказывала!
- Казимир! Ви идиёт? Ви зачем отпустили ребёнка в воду?!

Казимир понял, что пора прощаться, махнул рукой и распахнул дверь подъезда. Сара медленно нагнулась, чтобы погладить щенка. Почесав Катьку за ухом, спросила:

– И шо ви собираетесь делать? Прямо сердце болит за вас смотреть – ви же оба про-
стынете и помрётё! Ладно если очоуретесь только ви! А если Катюша?

По щеке женщины сбежала слеза. Казимир возмущенно закатил глаза:

– Сара, не делайте мне истерику, было бы за шо! Никто не собирается умирать! Поду-
маешь, немного искупались, какое дело!

Сара топнула ножкой:

– Какое дело? И ви ещё имеее наглость спрашивать меня, какое дело?

Казимир не удержался и спросил с ехидцей:

- У вас, на сегодня назначена встреча с вашим Феликсом?
- На сегодня и шо?
- Ну, таки, идите уже и делайте себе настроение, а не делайте мне вопросы!

С этими словами мужчина потянул Катьку за поводок и вместе с ней скрылся в полумраке подъезда. Сара чертыхнулась и, сокрушенно покачав головой, направилась в сторону „Магнита” прикупить себе зернового кофе, свежий батон и упаковку молока.

Когда она вернулась домой с покупками, раздался звонок мобильного телефона. Посмотрев на экран, женщина не сразу нажала на кнопку приема вызова.

- Здравствуй, Феликс!
- Добрый день, Сара! У нас сегодня всё в силе?
- Да, я жду тебя в двенадцать у подъезда.
- Хорошо. Я буду вовремя.

Сара отключилась и фыркнула. Ну, конечно, ты будешь во время! Ты всегда был пунктуальным.

... Наступило лето пятьдесят второго года. Сара с отличием окончила школу, они с мамой решили, что она будет поступать в педагогический институт. Хана настоятельно зазывала её в Москву:

– С твоим дипломом ты сможешь поступить даже в МГУ! Ну, давай, поедем учиться в столицу! Будем вместе жить в общежитии! Заживёём!

Девушки дружили давно, с тех пор, как в пятом классе новенькая девочка Хана с непослушными кучерявыми волосами пришла учиться в их класс и учительница посадила её за одну парту с Сарой.

Всякий раз, когда Ханна заводила разговоры о Москве, Сара отказывалась уезжать. Надолго расставшись со своей мамой во время войны, она панически боялась потерять её вновь и этот животный страх жил у девушки в крови, а не в голове. Самостоятельно ехать в Москву Хана побоялась и после окончания школы вместе с подругой подала документы в Ленинградский педагогический институт.

В середине лета после окончания третьего курса, нарядившись в одинаково лёгкие светлые платья, девушки отправились в клуб на танцевальный вечер. Они только что вернулись из пионерского лагеря, где отработывали летнюю практику пионервожатыми и были загорелы, молоды и беззаботны. Вечер проходил весело. Девушки много танцевали, лакомились в буфете мороженым и обсуждали последние новости с друзьями.

На какое-то время Сара потеряла Хану из вида, потому что её пригласил на вальс Юрка Башкирцев – знакомый парень из школы рабочей молодежи. Когда их танец закончился, и девушка шла к подоконнику, на котором в окружении однокурсниц сидела Хана, Сара заметила, что в клуб зашли несколько человек, среди которых был светловолосый высокий незнакомец в ярко-голубой рубашке. Сара заинтересованно спросила подругу:

– Не знаешь, кто этот парень?

– Феликс–великолепный!

Сара рассмеялась:

– Кто?

– Феликс. Пока мы с тобой с комсомольским порывом воспитывали юных пионеров, в наш город приехал погостить Феликс Бурге – будущий военный и просто красавчик.

Сара скривила губы:

– Бурге? Он немец, что ли?

Хана рассмеялась:

– Ой, не делай такое лицо! Не все немцы-фашисты, есть и приличные.

Сара повела бровью:

– Да, я просто к слову спросила.

Сара с интересом рассматривала незнакомца, который по-прежнему стоял у входа и разговаривал с ребятами из института физкультуры. Высокий, с прекрасной выправкой, с короткой стрижкой и по-военному чётким кантиком на затылке, с открытой улыбкой на красивом лице, он притягивал внимание почти всех девушек, находящихся в клубе.

Внезапно Феликс в упор посмотрел на Сару, их взгляды встретились, и девушка провалилась в бездонную синеву его глаз. Сердце ёкнуло и на секунду остановилось. Сара влюбилась в Феликса с первого взгляда – бесповоротно и страстно.

После окончания танцев молодёжь расходилась по домам небольшими группами и так вышло, что Хане, Саре, Феликсу и ещё троим ребятам оказалось по пути. Весь путь до дома Феликс шёл рядом с Сарой. Девушка не поняла – была ли это случайность или намеренный манёвр юноши, но его соседство было исключительно приятным.

В тот вечер Сара была необыкновенно хороша собой. Длинные тёмные волосы, заплетённые в толстую косу, были уложены на голове короной. Большие глаза редкого зелёного оттенка блестели, а обаятельная улыбка не сходила с губ. А ещё, Сара вкусно пахла яблоками. И этот яблочный аромат будет преследовать Феликса всю оставшуюся жизнь...

...Ровно в двенадцать дня Сара Залмановна вышла из своего подъезда в лёгком светлом пальто и в чёрных лакированных туфлях на низком каблуке. Аккуратная чёрная сумочка, которую она держала в руке, делала наряд женщины законченным.

Знакомый белый мерседес уже был припаркован во дворе дома на небольшой заасфальтированной площадке. Феликс стоял рядом с машиной, опираясь на свою франтоватую трость с золотистым набалдашником. Спину держал ровно, одежда была подобрана со вкусом, коротко стриженные волосы серебристым ёжиком поблескивали в неярких лучах осеннего солнца. Увидев Сару, он медленно пошёл к ней на встречу. Улыбка тронула его губы, при этом синие глаза смотрели на женщину внимательно и напряжённо.

– Здравствуй, Сара!

– Здравствуй, Феликс! Ну, где ты хочешь поговорить? Пойдём в кафе или, таки, погуляем?

– Если не возражаешь, Володя отвезёт нас в один уютный ресторанчик, я заказал там столик. Хочу заметить, что гулять на дальние расстояния в моём положении уже не очень удобно. Я давно старик, Сара...

Феликс усмехнулся и приподнял в руках свою трость. Сара смутилась. Она не привыкла видеть его с палочкой, на которую он опирался при ходьбе. Смущенно улыбнулась:

– Ключка у тебя знатная...

Мужчина приподнял брови:

– Ключка?

Сара насмешливо повела бровью:

– Ну, посох, если тебе так больше нравится!

Феликс рассмеялся:

– Ластовицкая, ты не меняешься! Как была острой на язык, так и осталась!

Он открыл заднюю дверь автомобиля и жестом предложил женщине присаживаться. К удивлению Сары, Феликс уселся в машину на заднем сидении вместе с ней, а не поехал на переднем, как сделал это в день их встречи. Как только они оба устроились на своих местах, водитель передал Феликсу букет ярко-жёлтых подсолнухов, которые ждали своего часа на переднем сидении мерседеса. Феликс протянул цветы Саре:

– Это тебе...

Сара взяла букет в руки и задыхнулась от наплывших воспоминаний...

...Когда на следующий день после танцев в клубе Сара вышла на улицу, чтобы сходить в булочную, она сразу заметила Феликса, сидящего на качелях посередине пустого двора. Парень издали помахал ей рукой в знак приветствия. Сара подошла к новому знакомому и насмешливо спросила:

- Привет! Тебя вчера не пустили домой?
- Почему не пустили? Пустили!
- Тогда объясни, что с утра пораньше ты делаешь на наших качелях?
- Жду одну комсомолку, которая до ночи танцует в клубе, а потом до обеда дрыхнет!

С этими словами он протянул девушке букет молодых подсолнухов на тонких бархатных ножках. Сара стёрла с лица улыбку и внимательно посмотрела на парня:

- Ты ждал... меня?
- Тебя.
- Но откуда ты узнал, когда я выйду из дома?
- Я не знал.
- Но ты же здесь оказался ровно тогда, когда я собралась в магазин!

Глаза Феликса озорно блеснули:

- А я, как только проснулся, сразу же пришёл сюда, чтобы не пропустить твой выход!
- И во сколько же ты проснулся?
- В шесть, кажется...

Сара со счастливой улыбкой посмотрела на молодого человека:

- А подсолнухов где нарвал?

Феликс лукаво улыбнулся:

- У какой-то бабушки в палисаднике! Ты же меня не сдашь?
- Не сдам, если не посадят!

Феликс продолжал чуть раскачиваться на качелях.

- Пойдешь со мной купаться на речку?
- Когда?
- Сейчас.

Сара растерялась:

- Я сейчас не могу, мне надо хлеба купить.

Феликс легко спрыгнул с качелей:

- Тоже мне трудность! Пошли за хлебом, а потом поедем на речку!

В магазин они добежали в рекордно короткое время, быстро купили свежий батон и со смехом понеслись обратно к дому девушки. Саре казалось, что она знает Феликса целую вечность, а не один день – на столько ей было с ним легко и спокойно. У подъезда Феликс притормозил. Сара открыла дверь парадного и обернулась:

- Ну, ты чего встал?
- Я тебя здесь подожду.

Лицо парня чуть порозовело. Девушка неподдельно изумилась:

- Ты что, боишься моей мамы?
- Сара, мне кажется, что ранний визит – это не удобно...
- Ну, как хочешь!

Сара хлопнула дверью и побежала на свой этаж, а Феликс остался ждать её на лавочке. Через некоторое время Сара показалась на своём балконе:

- Феликс, поднимайся! Мама приглашает тебя на завтрак!

Следующие полтора месяца они провели вместе, не расставаясь ни на минуту. Ездили купаться, ходили в походы, смотрели фильмы в кинотеатрах. Был случай, когда Феликс целый день чинил старый балкон Сары, а после этого учил её готовить своё коронное блюдо – чахохбили с курицей. Молодой человек часто бывал в гостях в их доме и очень сдружился с мамой девушки. Попивая чай с творожными ватрушками на их уютной кухне, они часто объединялись, чтобы вместе подшучивать над Сарой.

А вот родителям Феликса – дипломату высокого ранга и его высокомерной жене, Сара пришлась не ко двору. Они считали, что девочка её сословия не пара их замечательному сыну, заканчивающему в Москве военную академию и имеющего в перспективе блестящее будущее.

Но ни Сару, ни Феликса это особо не заботило, потому что они были самозабвенно, до потери здравого смысла влюблены друг в друга. Это была всепоглощающая любовь, наполненная чувствами и желаниями, которые давно вышли за пределы платонических вздохов и целомудренных прогулок за ручку.

Как-то, целуясь с Сарой, Феликс поинтересовался:

- Твои волосы всегда пахнут яблоками. Настоящими, садовыми. Я никогда не встречал таких духов. Как они называются?

Сара рассмеялась:

– Они называются шкурки яблочные, настоянные.

– Не понял.

– Это давняя история. Как-то мама вымыла мне голову хозяйственным мылом, и я пожаловалась, что меня немного тошнит от его неприятного запаха. И тогда мама придумала этот трюк. Она заварила в кипятке шкурки, оставшиеся от яблок, из которой она готовила мармелад. Когда на следующий день она снова вымыла мне голову, то ополоснула чистые волосы настоянной яблочной водой. С тех пор мы всегда так делаем. Вот такие у меня духи!

Феликс улыбнулся и крепко прижал к себе девушку:

– Яблочная Сара, я люблю тебя!

Время пребывания Феликса в Ленинграде подходило к концу и влюблённые всё чаще обсуждали своё будущее. Они говорили о том, что через год Феликс закончит своё обучение в военной академии, а Сара завершит учёбу в институте и тогда они точно смогут пожениться. Представляли, какая у них будет семья, и какие родятся дети.

Каникулы пролетели незаметно, и уже совсем скоро Сара стояла на перроне железнодорожного вокзала и провожала любимого в Москву. Позволить себе какие-либо прикосновения или поцелуи в присутствии родителей Феликса молодые люди не могли, поэтому они просто стояли напротив друг друга и, не отрываясь, смотрели в глаза. Синие – в зелёные. Влюблённые – в счастливые. Несчастливые – в полные слёз. Когда отец с матерью смотрели в другую сторону, Феликс быстро дотрагивался до ладони Сары и тихо говорил:

– Я люблю тебя!

Сара отвечала эхом:

– И я люблю тебя! Ты будешь писать мне письма?

– Каждый день!

Это был их уговор – писать друг другу при каждом удобном случае. Сара изо всех сил старалась не заплакать:

– Я умру без тебя!

– Всё будет хорошо! Я приеду за тобой следующим летом!

И только когда его вагон отъехал на приличное расстояние, она, наконец, дала волю своим чувствам и позволила себе разрыдаться, спрятав лицо в букете подсолнухов, которые Феликс принес ей на прощание.

А уже в ноябре она снова будет горько плакать, но уже по иному поводу. Девушка окончательно убедится, что беременна.

... Для разговора с Сарой Феликс выбрал небольшой и уютный ресторан, расположенный в старинном особнячке в самом центре города. Он галантно проводил женщину в зал и отодвинул перед ней стул, чтобы она могла присесть за стол. Шустрый официант тут же принёс им меню. Феликс посмотрел на Сару поверх очков:

– Что ты предпочитаешь: рыбу, мясо или может быть, суп?

Сара не хотела ничего. Не есть. Не разговаривать. Ни сидеть в этом прекрасном ресторане. Она хотела исчезнуть. Испариться.

Все полчаса, что они ехали в машине, никто из них двоих не проронил ни слова. Сара подзревала, что Феликс так же как и она, блуждал в потайных закоулках их прошлого.

Сара пыталась что-то прочитать в меню, но мелкие буквы прыгали со строки на строку, упорно не желая складываться в слова. Женщина отложила ламинированную книжицу, и спросила у официанта:

– У вас водка есть?

– Есть.

– Таки, холодная?

– Да.

– Несите!

– Сколько?

– Сто!

– Триста! И в графине, пожалуйста! А мы тут дальше сами справимся...

Сара с удивлением посмотрела на Феликса, внезапно встрявшего в её разговор с официантом. До боли знакомые глаза искрились весельем:

– Или ты хотела бы пол литра?

Сара чуть качнула головой:

– Я бы таки, хотела, но нет!

– А что так?

– Не хочу делать свой труп в таком красивом ресторане.

– Думаешь, не снесёшь столько счастья?

– Я снесу. Сердце – нет.

Феликс смотрел на Сару:

– Пол жизни прошло, а ты всё такая же... Независимая и язвительная..

Сара согласно кивнула:

– А шо со мной будет? Время может изменить лицо, но таки, не характер. А, помнишь, как меня звали друзья? Ехидна Ластовицкая!

Сара тихонько засмеялась.

– Мама так сердилась за то прозвище, шо обещала прийти на комсомольское собрание и сделать кому-нибудь больно!

Женщина взяла в руки салфетку и накрутила её на палец:

– Зато, никто никогда не брехал мне под шкуру! Боялись.

Феликс прищурился:

– Ты очень забавно разговариваешь. Твоя правильная ленинградская речь, вдруг пережегается не свойственным тебе говорком.

– А шо ты хочешь от моей жизни? Одесса, таки, накладывает свой отпечаток. И даже, если ты трижды родился за её пределами, всё равно нет. Ты навсегда останешься просоленный этим городом. И кстати, теперь говорят „питерская речь”. Ленинграда давно нет.

Феликс нахмурился:

– Значит, это была Одесса?

Сара молча кивнула.

...Когда она поняла, что забеременела, то сразу написала об том Феликсу. Девушка не знала, что ей делать и просила его побыстрее приехать к ней в Ленинград. Письма тогда ходили неделями, и поэтому ответа пришлось ждать долго. Наконец, от него пришло письмо, в котором Феликс обещал приехать сразу, как только сможет.

А смог он только через месяц. Был промозглый заснеженный декабрь, влажный резкий ветер дул, казалось, из-за всех углов. Сару постоянно мутило и всё валилось из рук.

Феликс приехал рано утром, без предупреждения. Справедливо решив, что Сару надо искать в институте, сразу проехал к ней туда. Они увиделись между лекциями и после занятий вместе поехали домой к Саре. Её мать была на работе и молодые люди наконец-то могли побыть наедине, никого не опасаясь и не стесняясь. Им казалось, что они не виделись целую вечность и поэтому каждое прикосновение, каждый поцелуй и каждое слово в признании любви приносило им ощущение счастья. Феликс с волнением убеждал девушку, что готов жениться на ней, хоть завтра. Правда, им придётся некоторое время жить в разных городах, пока они не закончат свои учебные заведения. Но они справятся! Феликс нежно гладил Сару по животу и говорил, что уже любит этого ребёнка и очень хочет девочку, похожую на Сару.

Впервые за долгое время, думая о будущем малыше, Сара улыбалась. В отличие от Феликса, она страстно желала мальчика, похожего на своего отца.

Вечером этого же дня Феликс уехал с твёрдым намерением рассказать всё своим родителям, чтобы назначить дату свадьбы. Потом он приезжал ещё несколько раз – так же на один день и привозил девушке разные вкусности.

Сара очень ждала его на Новый год, но Феликс не приехал. Тяжело заболел гриппом, затем началось воспаление лёгких и он в тяжёлом состоянии попал в больницу, в которой провёл почти месяц.

Девушка как в тумане сдавала сессию, в ужасе думая о том, что совсем скоро станет заметен живот и тогда все будут тыкать в неё пальцем, шушукаться за спиной, осуждая, что она забеременела без мужа.

Лучшая подруга Хана настоятельно советовала Саре всё рассказать маме. И однажды вечером она решилась. К удивлению Сары мама восприняла её признание почти спокойно. А когда Сара расплакалась и сказала, что не знает, когда у них с Феликсом будет свадьба, погладила девушку по голове и улыбнулась:

– Что ты ревёшь, глупенькая?! Ну-ка, осмотри на меня. Думаешь, мы не прокормим малыша? Да мы с тобой в блокаду выжили, а сейчас и вовсе не пропадём!

Седая женщина посмотрела сквозь тёмное оконное стекло, словно пытаясь разглядеть кого-то в зимней тьме:

– Представляю, как бы радовался этому ребёнку твой папа... И бабушка с дедушкой. И Лёва...

Сара подошла к матери и крепко обняла её:

– Мамочка, спасибо... Но мне так страшно. Что про меня скажут люди?

Мать покачала головой:

– Люди всегда что-то о ком-то говорят. Это их суть. Что они тебе? Вот, завтра по телевизору объявят, что мы в космос раньше Запада полетели, и все будут говорить только про это. А про тебя забудут.

Сара вытерла слёзы:

– Ты правда думаешь, что мы полетим в космос раньше капиталистов?

Мама улыбнулась:

– Конечно! Но сначала мы родим нашего наследника! Кстати, когда ты думаешь рожать?

– Я не знаю. В конце мая, наверное...

Мама решительно поднялась из-за стола:

– Завтра же пойдём в женскую консультацию и встанем на учёт. И не спорь, за вами обоими должен присматривать врач!

А в начале февраля к ним внезапно приехали родители Феликса и устроили безобразный скандал, обзывая Сару всякими некрасивыми словами и обвиняя её в том, что она решила таким позорным образом сломать блестящее будущее их сына.

Мать Сары не позволила оскорблять свою дочь и выставила незваных гостей за порог.

Расстроенная девушка написала сначала одно письмо Феликсу, затем второе, но ответов на них не получила. Не веря тому, что любимый мог её бросить, вот так, без объяснений, Сара написала ему третье письмо, которое так же осталось без ответа. От будущего отца не было больше ни строчки ни в марте, ни в апреле...

Сара почти приучила себя не обращать внимания на косые взгляды соседей, студентов и педагогов, и только усерднее училась, чтобы сдать летнюю сессию экстерном. Благодаря своему уму и усидчивости, ей это почти удалось и к середине апреля Саре осталось сдать всего пару зачётов.

Живот уже стал заметен даже в зимнем драповом пальто. Ребёнок развивался активным, постоянно шевелился и не давал будущей матери нормально спать.

Как-то в воскресенье Сара отправилась в магазин за молоком и хлебом. День был удивительно холодным, влажным и не по-весеннему студёным. Брусчатка обледенела и стала скользкой. Переходя дорогу на перекрёстке, Сара уже почти подходила к булочной, когда из-за поворота выскочила новенькая бежевая „Победа”, которую занесло на скользкой дороге. Сару машина задела по касательной, но этого хватило, чтобы девушку откинуло на несколько метров.

Дальше она всё помнила как в тумане. С сиреной приехала белая машина кареты скорой помощи. Сару осторожно загрузили на носилки и занесли в салон. У девушки страшно болело плечо, поясница и правая нога, а потом начал болеть и живот.

Позже врачи скажут, что Саре удивительно повезло – ни одного перелома, только ушибы и синяки.

Крошечный светловолосый мальчик родится к обеду – синюшный, недоношенный и очень слабый. Закричит не сразу, и санитарка будет долго суетиться рядом с ним. Во время родов что-то пошло не так и у Сары началось сильное кровотечение. Ребром встал вопрос о спасении жизни роженицы. Жизнь ей врачи спасли, но иметь детей девушка больше не могла.

Из роддома Сару с малышом забирали мама и Хана. Домой ехали на трамвае, и Хана попросила поддержать новорожденного. Заглянув под белоснежный уголок одеялка, воскликнула:

– Сара, как удивительно он похож на Феликса!

И тут же осеклась. Затем выдержала паузу и спросила:

– Ты уже знаешь, как назовёшь сына?

Сара ответила чуть слышно:

– Ванечка...

Лара РАСТОРГУЕВА.